

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

О. С. Горицкая

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕЛАРУСИ:
ФЕНОМЕНЫ НА СТЫКЕ ЛЕКСИКИ И МОРФОЛОГИИ

Статья посвящена лексико-морфологическим особенностям белорусской разновидности русского языка (по данным корпусного анализа). Рассматривается влияние внутрисистемных процессов и языковых контактов на конкуренцию лексико-грамматических вариантов, в т.ч. на выбор частиц и иных маркеров грамматических форм. Показано, что специфические окончания в некоторых случаях маркируют характерные для идиома лексико-семантические варианты многозначных слов. Кроме того, демонстрируются словообразовательные особенности русского языка в Беларуси.

Белорусская разновидность русского языка [1] имеет специфические характеристики в различных сегментах лексико-грамматического континуума [2–4]. Цель данной работы – выявить особенности русского языка в Беларуси, имеющие промежуточный лексико-грамматический характер, и обнаружить факторы, обуславливающие появление данных языковых фактов.

Как отмечал Ю. Н. Караулов, «... правила словоизменения, соединения слов и словообразования, т.е. грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита, “размазана” по ассоциативно-вербальной сети» [5, с. 6–7]. Восприятие лексики и грамматики не как автономных лингвистических модулей, а как континуума важно для различных направлений современной науки о языке: когнитивной лингвистики (в особенности для модели языка, основанной на употреблении, – *usage-based model*), грамматики конструкций, теории грамматикализации, концепции интегрального описания языка и т.п. Интенсификация исследований лексико-грамматического континуума связана и с использованием методов корпусной лингвистики и статистического анализа языковых данных [6].

Источником материала для исследования послужил Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru)¹, а также наша картотека примеров (в т.ч. метаязыковых) из различных типов текстов. Для доказательства статистической значимости различий между национальными

¹ В примерах из ГИКРЯ указывается имя пользователя, в чьем блоге был найден контекст, а также при необходимости автор комментария. В иллюстрациях сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

сегментами корпуса использовалась *логарифмическая функция правдоподобия* (англ. log-likelihood). Сопоставлялись данные по количеству вхождений языковых единиц в двух сегментах ГИКРЯ – белорусском (около 160 млн словоупотреблений) и российском (около 4 млрд словоупотреблений). Если показатель меры правдоподобия превышает критическое значение G^2 , равное 15,13, различия между выборками (увеличение или уменьшение частотности) считаются статистически значимыми ($p < 0,0001$) [7, р. 62–63; 8].

Конкуренция лексико-грамматических вариантов. Исследование показало, что для белорусской разновидности русского языка характерен несупплетивный вариант совершенного вида *словить* (вместо *поймать*). Приведем один пример из нашей метаязыковой картотеки:

(1) – *Шьорт, я не беларус по ходу. Меня только на шуфлядке словить можно. Хотя судя по комментариям – именно это и есть главная отличительная черта беларусов.*

– *Еще слово «словить»* (Комментарии к записи в «Фейсбуке»).

Различия в соотношении вариантов формы совершенного вида в национальных разновидностях русского языка представлены на рис. 1. *Словить*, в отличие от *споймать*, фиксируется во многих словарях с пометой *разг.*, см., например, [9] и [10]. ГИКРЯ показывает, что *словить* достаточно активно употребляется интернет-пользователями из различных стран, в т.ч. россиянами. В Беларуси наблюдается статистически значимое увеличение частотности глагола *словить* ($G^2 = 1997,11$), кроме того, чаще ожидаемого используется явно нелитературное *споймать* ($G^2 = 511,13$).

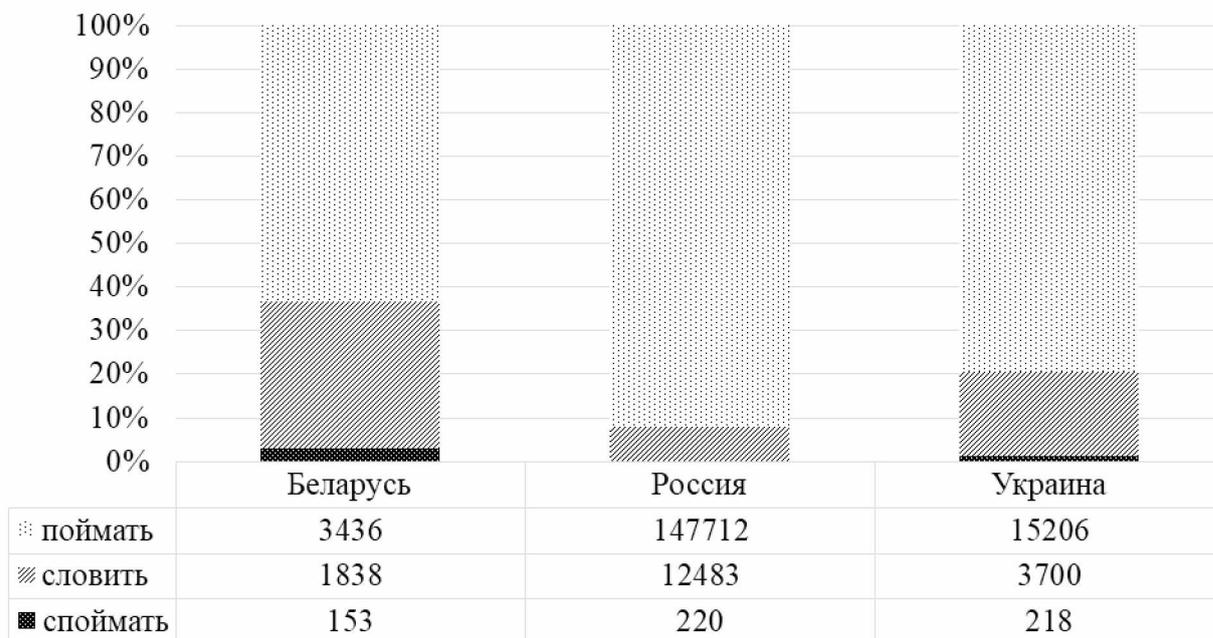

Рис. 1. Соотношение вариантов *поймать*, *споймать* и *словить*

Рост употребительности *словить* – это не только следствие языковых контактов (в литературном белорусском языке русскому *ловить* – *поймать* соответствует *лавіць* – *злавіць*). Необходимо учитывать и тот факт, что

внутриязыковой закон аналогии может сильнее влиять на определенные разновидности русского языка. Так, в работе, посвященной специфике конструкций в эритажном (унаследованном, англ. *heritage*) русском языке, отмечается, что «в случаях супплетивизма композициональная стратегия предпочитается не только эритажниками – ею широко пользуются и носители языка: формы *человеки*, *ложить* или то же *словил* встречаются в детской речи и просторечии (ср.: *словить кайф*)» [11, с. 11], см. также таблицу ниже, демонстрирующую различную дистанцию между национальными сегментами ГИКРЯ в удельном весе словосочетаний с глаголом *словить*.

Т а б л и ц а

Абсолютная и относительная частотность
словосочетаний с глаголом *словить* (vs. *поймать*)
и различными зависимыми существительными

Зависимое слово	Страна					
	Беларусь		Россия		Украина	
<i>кайф</i>	18	85,71 %	288	63,44 %	23	47,92 %
<i>момент</i>	36	55,38 %	85	5,35 %	64	30,05 %
<i>машину</i>	17	27,87 %	141	3,28 %	102	28,98 %

Подобные явления имеют очевидное функциональное объяснение: несупплетивные формы – как более прозрачные и логичные – удобнее и для говорящего, и для слушающего. В целом наши исследования показывают, что в белорусской разновидности русского языка наблюдается уменьшение удельного веса «исключений» – в первую очередь под влиянием аналогического выравнивания, усиленного языковыми контактами.

Грамматические показатели как маркер специфического для идиома значения многозначного слова. В белорусском сегменте ГИКРЯ наблюдается статистически значимое повышение частотности лексемы *чернило* в ед. ч. ($G^2=31,21$), что можно было бы объяснить языковыми контактами, поскольку в белорусском языке это существительное *singularia*, а не *pluralia tantum*, см. описание таких примеров в [3, с. 125; 12, с. 89; 13]. Так, в нашей картотеке есть созданная молодой жительницей Беларуси открытка с пост-фольклорным текстом, где используется нестандартный вариант:

(2) *Котик лапку обмакнул в красное чернило и красиво написал...*

Впрочем, анализ контекстов из корпуса демонстрирует, что в текстах, созданных в Беларуси, в большинстве случаев (10 из 14, 71,42 %) слово *чернило* в ед. ч. употребляется в специфическом для белорусской разновидности русского языка значении ‘дешевое плодово-ягодное вино’. Пример:

(3) *На микрорайончик падает ночь, на парковке перед домом начинается ночной сеанс ремонта шайтан-повозок с ближайшей свалки микроавтобусов и личных автомашин <...> Но наконец-то и они успокаиваются и упившись чернилом засыпают* (ГИКРЯ, ЖЖ: skomoroh_roker).

Слово *скарб* в русском языке означает ‘пожитки, имущество, домашние вещи’ [10], при этом зачастую оно имеет отрицательные коннотации, которые обнаруживаются при анализе сочетаемости лексемы. Согласно ГИКРЯ, в число наиболее частотных определений этого слова наряду с такими нейтральными обозначениями, как *нажитый, домашний, походный, необходимый* и *кухонный*, входят прилагательные *нехитрый* (значительно превосходит все другие определения по частотности), *скромный, скудный, жалкий, небогатый, ненужный, убогий* и т.п. В белорусском языке слово *скарб* имеет больше значений (в целом значение лексемы ближе к польскому языку, откуда она была заимствована [14]), и обозначает в том числе различные ценности, см. словарную дефиницию: ‘1. звычайна мн. Грошы, каштоўныя дарагія рэчы, каштоўнасці, схаваныя дзе-н.; 2. перан.; звыч. мн. Духоўныя і культурныя каштоўнасці (кніжн.); 3. перан. Пра каго-, што-н. вельмі вялікай вартасці; 4. Багацце, маёмасць, хатнія рэчы’ [15].

В белорусском русском слово *скарб* используется и в типичных для русского языка в целом контекстах 0, а также обозначает более ценные вещи, чем в российской разновидности 0, 0:

(4) *Чего лукавить, перед моими глазами маячил самый обычный бомж, с пропитой харей и звенящим скарбом* (ГИКРЯ, ЖЖ: krytyka by).

(5) *Я получила от бабули в подарок набор золотой, наконец-то достала свои скарбы) Кольцо шикардос вообще!* (ГИКРЯ, ЖЖ: 4 magenta wings).

(6) *Допустим, еще скарбом можно засчитать единственный в Беларуси этюд Е. Е. Моисеенко в картинной галерее своего имени, 70x65, 1946 год* (ГИКРЯ, ЖЖ: tam_ern).

При обозначении ценностей *скарб* часто употребляется во мн. ч. 0, как и в белорусском языке, впрочем, показатели ед. ч. также возможны 0. Следовательно, окончания мн. ч. являются маркером особого значения слова. Для российской разновидности русского языка формы множественного числа от данной лексемы не характерны: в Беларуси частотность этих форм выше ожидаемой ($G^2 = 61,35$). При этом в функционировании лексемы *скарб* в целом статистически значимых различий между выборками не наблюдается, и его фактическая частотность в Беларуси очень близка к ожидаемой ($G^2 = 0,58$).

Выбор частиц и иных маркеров грамматических форм. Материал из ГИКРЯ демонстрирует, что в белорусском сегменте ГИКРЯ чаще используются формы императива 3-го лица (юссива) с маркером *хай* ($G^2 = 45,29$), см. также [12, с. 117] об украинском русском. Пример:

(7) *Нужно учителю писать поурочное планирование – хай пишет, не нужно – без него обойдется* (ГИКРЯ, ЖЖ: wikischool ru, комментарии prohodimes).

Белорусы воспринимают эту единицу как маркер местной разновидности русского языка:

(8) *Когда мы, белорусы, приехали на работу в РФ (1980-е), то местные сослуживцы быстро переняли у нас слово «хай» («хай будзе» и т.п.). Только употребляли его немножко не в ту сторону:*

«Ну и хай с ним – пусть так будет». Пришлось объяснить разницу (Форум «Тут говорят!»).

Но вообще, сфера употребления данного маркера не ограничена Беларусью: сочетания *хай* + глагол в форме 3-го лица представлены в различных национальных сегментах ГИКРЯ. Приведем пример из Пермского края:

(9) *Честно скажу – достала возня с брендом «Пермь – культурная столица». Да хай будет! Есть и другая сторона вопроса. Какие еще нужны/могут быть столицы в России?* (ГИКРЯ, ЖЖ: vik_in_g).

Увеличение частотности юссивных форм с показателем *хай* можно объяснить более широкой сферой употребления частицы в белорусском языке по сравнению с русским. Так, в [15] одно из значений частицы ('выражае заклік, пажаданне') дается с пометой *разговорное*, другое ('выказвае дапушчэнне') представлено без помет. Однако это контактное влияние имеет точечный характер, поскольку для *нехай/няхай* статистически значимых различий между белорусским и российским сегментами ГИКРЯ обнаружено не было.

Для белорусского русского характерен также показатель *само*, который в исследуемом нами идиоме, как и в белорусском языке, выражает высшую степень проявления признака [16, с. 327], см. следующий пример из нашей метаязыковой картотеки:

(10) – *Говорят, беларусов само часто узнают по слову «шувлядка».*
– ... и по выражению «само часто» (Форум «Тут говорят!»).

В частности, в Беларуси по сравнению с Россией увеличивается частотность единицы *само то* в белорусском сегменте ГИКРЯ ($G^2 = 88,18$) (в распределении варианта *самое то* статистически значимых различий между странами не наблюдается).

Словообразовательные особенности идиома. Среди единиц с градуальной семантикой, характерных для белорусской разновидности русского языка, внимание и наивных носителей языка, и исследователей привлекают прилагательные и наречия с префиксом *за-*:

(11) *Очень часто в своей речи употребляю слова «замного», «замало», «задлинный», «засоленный»... Блин, как-то не обращала внимания, но, оказывается, слов-то таких и нет)) Интересно... Но ведь всем понятно, о чем речь! Какое упущение. Такие удобные слова. Может их как-то запатентовать? Исправить подобное упущение?))* (ГИКРЯ, ЖЖ: madame_voue).

В большинстве случаев сложно сказать: *замного* – это очень много, слишком много или *многовато*, ясно лишь, что признак превышает норму. Таким образом, значение лексем с *за-* вбирает в себя значение нескольких русских единиц. Неслучайно И. С. Ровдо [17, с. 9] приводит слово *зацёплы* 'слишком теплый' как пример лакуны в русском языке (в сопоставлении с белорусским), см. также [16, с. 354].

По данным ГИКРЯ, наречия и прилагательные с префиксом *за-* встречаются главным образом в украинском и белорусском русском, см. Показательный диалог:

(12) – *А что такое «занадто»? Гугл молчит как партизан. Это наверное такие типа шанежки? А то я бы тоже за чаем поболтал :)))*

– *это слишком много :)*

просто у нас, в Беларуси, есть некоторое смешение слов. И «занадто» стало уже совсем русским :)))))) (ГИКРЯ, ЖЖ: ingekt, комментарии).

Однако корпусной анализ демонстрирует, что в белорусской разновидности русского языка образование прилагательных и наречий с *за-* – это не продуктивное явление. В белорусском сегменте ГИКРЯ встречается 58 контекстов с *занадта* (из них 14 с паремией), 31 – с *замного*, 2 – *задлинный* (из них один метаязыковой пример 0), 1 – *замало*, а слова типа *затеплый* не фиксируются вовсе. Несколько иллюстраций:

(13) *Больше всего на свете я сейчас мечтаю о том, что проснусь в 11 или 12 и ничего не нужно будет делать. 3 недели без выходных – это дофига и замного* (ГИКРЯ, ЖЖ: suryanamaskar).

(14) *Заголовки, признаюсь, местами занадта пафосные – издержки редактуры))* (ГИКРЯ, ЖЖ: weissgarten, комментарии автора).

(15) *Каждый день хожу то мимо, то через наши тусовочные места (учусь за углом от Феликса просто) и каждый день имею сомнительное счастье созерцать просто непомерно расплодившуюся готическую армаду. Неее, ребят, цо занадта, то не здорово* (ГИКРЯ, ЖЖ: anka_menskaja)¹.

Разновидности русского языка также различаются частотностью словообразовательных формантов. К примеру, в белорусском русском встречаются варианты типа *полторачка*² ‘полторалитровая бутылка’ ($G^2=208,94$) (*полторашка* широко используется и в России), *поливачка* ‘лейка, машина для полива и т.п.’³ ($G^2=52,23$) и др. Из вариативных обозначений учителей типа *математица/математичка*, *физица/физичка*, *русица/русичка* в белорусском русском более распространены первые, см., например, [19], хотя встречаются и вторые – пример 0 и рис. 2.

(16) *У нас в школе были математички и химички, а химицы и математицы впервые слышу. Брестская область* (Форум «Тут говорят!»).

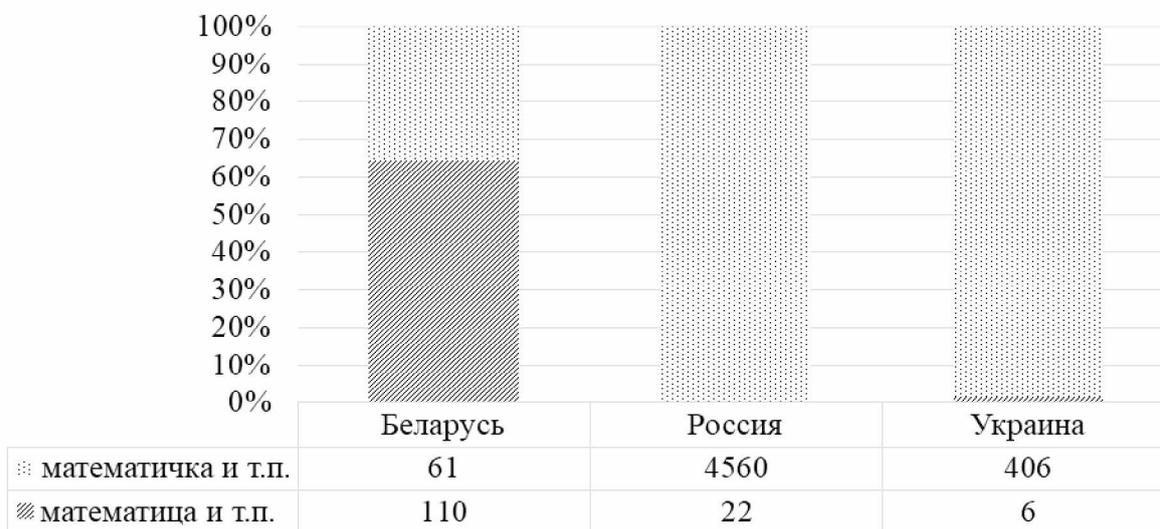

Рис. 2. Соотношение частотности вариантов типа *математица* и *математичка* в национальных сегментах ГИКРЯ

¹ В [18, с. 134] отмечается, что паремия *Што задужа (занадта, залішне), то (тое) не здрава (не здрава)* – ‘залишняее, празмернае не ідзе на карысьць. Кажуць як жаданне захоўваць пачуццё меры’ является полукалькой с польского *Co zaduzo, to nie zdrowo*.

² См.: <http://forum.lingvolive.com/thread/191893>.

³ См.: <http://forum.lingvolive.com/thread/1116657>.

Таким образом, белорусский русский отличается от российской и других национальных разновидностей русского языка частотностью лексико-грамматических вариантов, словообразовательных формантов и моделей, частиц и иных маркеров грамматических форм. Грамматическим своеобразием характеризуются и лексико-семантические варианты, свойственные белорусской разновидности русского языка. Данные особенности являются результатом действия внутрисистемных и контактных факторов языковых изменений, происходящих в социальном контексте – при функционировании русского языка в независимом государстве с особой культурой и историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горицкая, О.* Русский язык в Беларуси и других постсоветских странах: споры о терминах / О. Горицкая // *Rusistica Latviensis / Latvijas Univ., Rusisticas centrs.* – Riga, 2019. – Т. 8: Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературах, культурах 2. – Лр. 124–134.
2. *Русский язык в Белоруссии* / под ред. А. Е. Михневича. – Минск : Наука и техника, 1985. – 272 с.
3. *Лукашанец, А. А.* Особенности грамматической интерференции в условиях близкородственного двуязычия / А. А. Лукашанец // *Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия.* – М. : Наука, 1990. – С. 120–127.
4. *Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси* / науч. ред. А. Н. Булыко, Л. П. Крысин. – Минск : Беларус. навука, 1999. – 245 с.
5. *Караулов, Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Рус. яз., 1993. – 330 с.
6. *Hunston, S.* Lexical grammar / S. Hunston // *The Cambridge handbook of English corpus linguistics : Cambridge handbooks in language and linguistics* / ed. by D. Biber, R. Reppen. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2015. – P. 201–215.
7. *Baker, P.* Sociolinguistics and corpus linguistics / P. Baker. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. – 189 p.
8. *Rayson, P.* Log-likelihood and effect size calculator [Electronic resource] / P. Rayson. – Mode of access : <http://ucrel.lancs.ac.uk/llwizard.html>. – Date of access : 01.02.2020.
9. *Словарь русского языка* / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984. – 4 т.
10. *Большой толковый словарь русского языка* / С. А. Кузнецов [и др.]. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
11. *Выренкова, А. С.* Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эри-тажный» («унаследованный») русский язык / А. С. Выренкова, М. С. Полинская, Е. В. Рахилина // *Вопросы языкознания.* – 2014. – № 3. – С. 3–19.
12. *Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении* / Г. П. Ижакевич [и др.]. – Киев : Наук. думка, 1981. – 343 с.

13. *Шуба, П. П.* Категория числа существительных в русском и белорусском языках / П. П. Шуба // Русский язык : межведомственный сборник / Мин-во высш. и средн. спец. образования БССР, Белорус. гос. ун-т. – Вып. 2. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1982. – С. 91–96.
14. *Груцо, А. П.* О некоторых полонизмах в русском и белорусском языках / А. П. Груцо // Русский язык : межведомств. сб. – Вып. 4. – Минск : Университетское, 1984. – С. 48–59.
15. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / рэд. І. Л. Капылоў. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
16. *Журавель, В.* Градация в белорусском языке / В. Журавель // Slavistische Studienbücher / herausgegeben von Helmut Jachnow [et al.]. – Wiesbaden, 2001. – Band 12: Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien. – С. 317–338.
17. *Роўда, І. С.* Рознаўзроўневая намінатыўная адпаведнасць беларускай і рускай моў: (у сувязі з праблемай лексічных лакун) / І. С. Роўда. – Мінск : Беларус. дзярж. ўн-т, 1999. – 169 с.
18. *Лепешаў, І. Я.* Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 2014. – 139 с.
19. *Беликов, В. И.* Методические новости в социальной лексикографии XXI века / В. И. Беликов // Slavica Helsingiensia / Хельсинк. ун-т ; под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой, Н. Вахтина. – Хельсинки, 2010. – Вып. 40 : Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. – С. 32–49.

The paper presents the results of a corpus-based analysis of the characteristics of Belarusian Russian that demonstrate morphology–lexicon interface (inflection of polysemantic words, use of particles and other markers of grammatical forms, word-formation, etc.). The study shows that the functioning of country-specific lexicogrammatical units is a multifactorial process representing the interplay of system-internal and contact-induced processes in language change.

Поступила в редакцию 31.07.2020

И. В. Метлушко

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОМ РОМАНТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Проведен анализ белорусскоязычной эмотивной лексики на материале современного поэтического романтического дискурса. Выявлены единицы называющие, описывающие и выражающие эмотивность на разных этапах романтической коммуникации (инициация, оценивание, познание, интенсификация, кульминация). Делается вывод о качественных и количественных сходствах и различиях в единицах, реализующих прямую, косвенную и контекстуальную эмотивность.

Системное рассмотрение языка в совокупности с экстралингвистическим контекстом и интенсивное развитие когнитивистики привело